

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АБСУРДА

*Работа представлена кафедрой русского языка и методики начального обучения
Таганрогского государственного педагогического института.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. В. Голубева*

В данной статье рассматриваются синтаксические механизмы, приводящие к появлению образцов лингвистического абсурда. В основе данных процессов лежит нарушение формальной связности синтаксических конструкций – когезии. Сознательное отступление автором от норм синтаксической сочетаемости, механическое соединение слов и словосочетаний в предложении, отсутствие анафоро-катафорических связей между отдельными высказываниями приводит к появлению абсурда в тексте.

Ключевые слова: лингвистический абсурд, языковая аномалия, синтаксические процессы, разрушение синтактики языковых единиц, когезия, нормы синтаксической сочетаемости.

О. Kravchenko

SYNTACTICAL MECHANISMS OF CREATION OF LINGUISTIC ABSURD

Syntactical processes resulting in creation of linguistic absurd examples are under consideration in the article. The basis of this process is formed by breaking of the formal connection within a sentence or between two or more sentences. It is achieved through the conscious digression from standards of syntactical connection, through mechanical combination of words within a sentence and through the absence of any causation between parts of a complex syntactical unit.

Key words: linguistic absurd, linguistic anomaly, syntactical processes, cohesion, standards of syntactical collocability.

В последние десятилетия заметно возрос интерес к исследованию разного рода асимметричных и темных явлений в языке. В фокус внимания лингвистов попал самый разнообразный, се-

мантически и функционально неоднородный языковой материал: паралогизмы, семантические и прагматические парадоксы, контроверзы, оксюмороны, небылицы, нонсенсы, адискурсивные и бессвязные высказывания, языковые конструкции, в которых в той или иной степени наблюдаются отступления от языковой нормы. Лингвистический абсурд представляет собой особый вид языковых аномалий, появление которых имеет глубокие онтологические и гносеологические корни. Лингвистический абсурд определяется как ненормативная, не предполагающая особой знаковой конвенции, не соответствующая реальной дискурсивной ситуации языковая конструкция, состоящая из значимых единиц и семантически противоречащая сложившейся языковой картине мира.

Лингвистический абсурд рассматривается как одно из проявлений общекультурного феномена абсурда, сущность которого состоит в противодействии становлению безальтернативных способов мышления, окостенелости знаний и истины, формированию «единственно верного» взгляда на мир и «правильной» идеологии, в преодолении социокультурных и другого рода барьеров, стоящих на пути человеческого познания. Лингвистический абсурд является отражением процессов, происходящих в сознании как отдельной личности, так и языкового коллектива в целом, направленных на расширение горизонтов познания, поиск нового знания и утверждение мировоззренческого выбора.

Актуальность исследования лингвистического абсурда определяется, с одной стороны, расширением использования в разных сферах коммуникации аномальных языковых конструкций, создающих эффект абсурдности (в том числе в языке художественной литературы), с другой – недостаточной изученностью описываемого феномена и отсутствием целостной теории, объясняющей условия и механизмы порождения, функционирования и собственно языкового воплощения абсурда в текстах художественных произведений.

Теоретическую базу настоящей работы составляют лингвистические исследования, содержащие важные положения для изуче-

ния языковых аномалий и лингвистического абсурда [1; 2; 4; 8; 5 и др.].

Ключ к дальнейшему теоретическому осмыслению явлений лингвистического абсурда лежит, по нашему мнению, в выяснении и описании семиотических процессов, которые, подрывая формальные и семантические основы развертывания текста, приводят к созданию эффекта абсурдности, столь знакомого читателям – любителям современной литературы.

Анализ собранного эмпирического материала показывает, что явления лингвистического абсурда возникают в результате «разрушения» одного или нескольких семиотических каналов. Иными словами, лингвистический абсурд порождается «аномалиями», затрагивающими одно или несколько семиотических измерений. Нарушая стандартное течение процессов, происходящих в знаковой системе языка, абсурд проявляет себя как своеобразный антиязык, а механизм абсурдизации имеет ярко выраженную семиотическую природу и заключается в намеренном ненормативном использовании семантических, прагматических или синтаксических ресурсов языка.

В этой статье подробно остановимся на синтаксических процессах и их результатах, приводящих к появлению образцов лингвистического абсурда. Разрушение синтактики языковых единиц мы будем называть *деструктуризацией*. Деструктуризация как процесс создания явлений лингвистического абсурда протекает на уровне синтаксиса предложения, сложного синтаксического целого и текста. Известно, что важнейшими свойствами сложных синтаксических конструкций являются их цельность и связность. Именно нарушение этих сущностных свойств синтаксических конструкций лежит в основе деструктуризации. Связность текста или дискурса обладает смысловыми и формальными характеристиками. Для обозначения смысловой связности в современной лингвистике используют термин «когерентность», а формальную связность называют «когезией» [7, с. 147] (см. также [3]). Разрушение когерентности или когезии является одной из причин

порождения явлений лингвистического абсурда. Ниже рассмотрим примеры деструктуризации, вызванной разрушением формальной связности синтаксических конструкций, т. е. разрушением когезии. В лингвистике термин «когезия» употребляется в двух значениях. Под когезией понимается «процесс связывания компонентов синтагм любого языкового уровня (динамический аспект явления). Когезией называется и сам результат процесса – ... связность конститuentов текста» [6, с. 168]. В настоящей статье термин «когезия» используется во втором, «результативном» значении.

С помощью конкретных языковых примеров попытаемся показать, как нарушение формальной связности текста приводит к созданию явлений лингвистического абсурда. С этой целью последовательно рассмотрим случаи нарушения когезии: 1) в пределах одного простого или сложного предложения (высказывания), 2) между контактно расположенными предложениями (высказываниями).

1. Одним из наиболее типичных примеров нарушения когезии в пределах одного высказывания является сознательное отступление автором художественного произведения от норм синтаксической сочетаемости языковых единиц. В частности, эффект абсурдности возникает в результате употребления конструкций с аномальным глагольным управлением: *Мы спим кровать. Мы сидим стул* (В. Нарбикова, «Равновесие света дневных и ночных звезд»); *Вчера, сего года, я злоупотребил алкогольный напиток...* (С. Довлатов, «Зона»).

В приведенных выше примерах языковая аномалия локализована в «пространстве», охватывающем глагол и управляемое им существительное. При этом она не приводит к интегральному разрушению смысла предложения. Однако, как показывает анализ корпуса собранных языковых примеров, «вирусом» абсурда, вызванным отсутствием когезии, могут быть заражены целые высказывания, теряющие, как следствие, способность передавать целостный смысл. Разрушение анафоро-катафорических связей, механическое соединение слов и словосочетаний в

предложения, «расчленение языковой материи», «пунктуационный произвол» свидетельствуют о «параличе мысли», погружают читателя в мир абсурда: *...не кричите я не кричу это кричит встречный тра та та в чем дело тра та та что тра кто там та где там там там Вета ветла ветлы ветка там за окном в доме том тра та том о ком о чем о Ветке ветлы о ветре тарарам трамваи трамваи аи вечер добрый билеты би леты чего нет Леты реки Леты её нету вам аи цвета у Вета у Альфа Вета Гамма и так далее* (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Близким по сути механическому соединению слов и словосочетаний в единый языковой «конгломерат», в определенное псевдовысказывание является нефункциональное и бессвязное сопряжение прецедентных феноменов, выступающих в качестве своеобразного строительного материала, «кирпичиков смысла» для образования синтаксических конструкций. Подобное сочленение прецедентных феноменов не приводит к созданию нового смысла, а порождает коммуникативно немотивированные высказывания: *И еще: бороться и искать, найти и не сдаваться, вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе, штыками и картечью проложим путь себе – песни русских революций и гражданских войн, вихри враждебные, во саду ли, как у наших у ворот, ах вы, сени...* (С. Соколов, «Школа для дураков»); *...его (вагон. – О. К.) исписали комиссии но через годы через расстояния твой робкий такой-то придет к тебе преодолевая метели бьющие в человека кинжальным огнем серебра и сыграют на баркарolle неистовый чардаш...* (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Анализ целого ряда случаев употребления бессвязных высказываний в текстах художественных произведений позволяет выявить один из способов их порождения. Нередко компоненты высказывания, характеризующегося нарушением когезии, находятся между собой в особого рода семантических отношениях. Последовательность развертывания таких предложений определяется когнитивным механизмом, лежащим в основе семантической ассоциации. Соединение слов

в высказывании продиктовано не задачами вербального оформления мысли, а подчиняется принципу действия семантической ассоциации. Тем самым высказывание сводится к своеобразному ассоциативному ряду, лишённому предикативности. При этом ассоциативное соединение языковых единиц может быть как одноступенчатым, так и многоступенчатым. В высказываниях с одноступенчатым ассоциативным соединением языковых единиц реализуется один акт ассоциативного притяжения слов: *У меня много друзей, я совершенно здоров и коплю деньги на машину – нет, уже купил, накопил и купил, сберкасса, сберкасса, пользуйтесь* (С. Соколов, «Школа для дураков»). В приведенном высказывании в результате ассоциации на синтагматической оси сочетаются лексемы «накопил» и «сберкасса». При многоступенчатом ассоциативном соединении лексем предложение сводится к последовательному развертыванию цепи ассоциаций: *...а то знаете задремал и слышу вдруг не то поет кто-то не то не та не та не то не та нетто брутто Италия итальянский человек Данте человек Бруно человек Леонардо художник архитектор энтомолог* (С. Соколов, «Школа для дураков»). «Не то, не та» трансформируется в графически (акустически) близкое «нетто», переходящее в слово «брутто», отражающее смежное понятие, которое ввиду фоносемантических ассоциаций актуализирует представления об «Италии» и т. д.

2. Нарушение когезии, приводящее к порождению явлений лингвистического абсурда, наблюдается также между отдельными высказываниями. В этом случае в пределах одного сложного синтаксического целого раскрываются параллельно сразу две (или более) микротемы. Между отдельными высказываниями таких сложных синтаксических целых отсутствуют анафоро-катафорические связи. Более того, на смену друг другу приходят абсолютно разные пропозиции. В приведенном ниже примере в нарушение всякой связности текста переплелись высказывания, относящиеся к двум микротемам: «описание соседей героя произведения» и «описание железной дороги, находящейся

вблизи дома героя»: *Я живу с мамой и папой, но иногда получается, что я живу один, а соседка моя – старая Трахтенберг, а скорее всего – Тинберген, жила с нами на старой квартире, или будет жить на новой. Как называются остальные части моста я не знаю. Под мостом – линия железной дороги, а лучше сказать – несколько линий, несколько путей сообщения, некоторое число одинаковых, одинаковой ширины путей. По утрам ведьма Тинберген пляшет ... в прихожей, напевая песенку про Трифона Петровича, котика и экскаваторщика. Она пляшет на контейнерах красного дерева, на их верхних площадках, под потолком, а также возле. Я ни разу не видел, но я слышал. Под потолком. По ним – туда и сюда – ходит «кукушка» (маневровый паровоз. – О. К.), вся сотрясаясь на стрелках. Тра-та-та. Ритм она отбивает на марокассах. Она толкает и тащит коричневые товарные вагоны. Я ненавижу эту косматую старуху* (С. Соколов, «Школа для дураков»). Сравните также: *Пробуждаются пьяные, стряхивают последние обороты, идут прямо. Конфисковали поместья, предоставив любому возможность поработать на овощной базе. Лев Толстой был бы первым энтузиастом. Ни прямо ничего хорошего, ни налево ничего хорошего, ни направо ничего хорошего, уже пришли. На одном яйце и хлебе дождалась, когда что-нибудь зашевелится* (В. Нарбикова, «Равновесие света дневных и ночных звезд»).

Нарушение когезии может проявляться в ненормативном использовании дейктических средств. В ткани текста появляются дейктики, употребление которых не обусловлено предшествующим ходом развертывания текста. Дейктик отсылает к предшествующим высказываниям, которые должны установить (уточнить) референциальную отнесенность компонентов высказывания. Однако такого рода информация в предшествующих высказываниях отсутствует: *И еще она его ненавидела за то, что все это заходило все дальше и дальше. И все дальше и дальше от жизни. И эту лягушку раздавил автобус после дождя* (В. Нарбикова, «Шепот шума»); *И в этом черном-черном гробу лежал черный-черный*

скелет – отдай мое сердце! Немного черной икры, чашечку черного кофе, красота Черно-го моря, ти-ши-на! И в **этом** лес почему-то вели не дороги, не тропинки, а туннели... (В. Нарбикова, «Шепот шума»).

Известно, что когезия текста во многом обеспечивается посредством использования повторной номинации, что позволяет поддерживать единое референциальное поле текста. Явления лингвистического абсурда могут порождаться нарушением референциальных связей между высказываниями. На языковом уровне это проявляется в намеренном использовании различных собственных и нарицательных имен для обозначения одного референта, что вызывает затруднения в установлении кореферентности имен: *Девочка кричит, её Аней зовут... А девочка все равно прибавляет в весе, её Катей зовут... ты будешь у меня сидеть до пятидесяти лет, пока девочка не подрастет, её Машей зовут ...* (В. Нарбикова, «Равновесие света дневных и ночных звезд»); *Но не пощелкивает ли, сказал кто-то вдруг, не мудрует ли там, во Плосках, этот Федор, на счетах-то. То есть Федор не Федор, а как бы Петр. А уж Егор-то – во всяком случае* (С. Соколов, «Между собакой и волком»); *И он иногда был женат. И у него была дочь. Один ребенок. Мальчик. Его тоже звали Олег* (В. Нарбикова, «Шепот шума»).

Яркие примеры нарушения когезии представляют высказывания, понимание смысла которых требует обращения к контексту, определяемому ходом предшествующего повествования. При этом необходимый для осмысления этих высказываний контекст в тексте произведения отсутствует. Более того, приведенные ниже высказывания открывают новые главы или разделы художественного произведения: *Но Вета не слышит* (С. Соколов, «Школа для дураков»); *Но шпионы есть* (В. Нарбикова, «Шепот шума»); *Потому что она спала* (там же); *Тогда нужно приготовить ужин* (там же).

Таким образом, одним из семиотических механизмов, приводящих к созданию образцов лингвистического абсурда, является деструктуризация, которая представляет собой синтаксические процессы, в результате которых происходит разрушение когезии или когерентности текста. Нарушение когезии проявляется в сознательном отступлении автором от норм синтаксической сочетаемости, в механическом соединении слов и словосочетаний в предложении, в сведении высказывания к ассоциативному ряду, лишенному предикативности, в отсутствии анафоро-катафорических связей между отдельными высказываниями сложного синтаксического целого, в ненормативном использовании дейктических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Аномалии в тексте: Проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 94–106.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
4. Кобозева И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 194–203.
5. Кравец А. С. Абсурд как нарушение смысла // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 133–178.
6. Кручинкина Н. Д. Когезия текста как основное условие его когерентности // Язык. Дискурс. Текст: материалы III международной научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 168–169.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
8. Новикова В. Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 17 с.

SPISOK LITERATURY

1. *Arutyunova N. D.* Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoy «kartiny mira») // *Voprosy yazykoznavaniya*. 1987. N 3. S. 3–19.
2. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* Anomalii v tekste: Problemy interpretatsii // *Logicheskiy analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*. M.: Nauka, 1990. S. 94–106.
3. *Gal'perin I. R.* *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. M.: Editorial URSS, 2005. 144 s.
4. *Kobozeva I. M.* *Pragmasemanticheskaya anomal'nost' vyskazyvaniya i semantika modal'nykh chastits* // *Logicheskiy analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*. M.: Nauka, 1990. S. 194–203.
5. *Kravets A. S.* *Absurd kak narusheniye smysla* // *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2004. N 2. S. 133–178.
6. *Kruchinkina N. D.* *Kogeziya teksta kak osnovnoye usloviye ego kogerentnosti* // *Yazyk. Diskurs. Tekst: Materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2007. S. 168–169.
7. *Makarov M. L.* *Osnovy teorii diskursa*. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 280 s.
8. *Novikova V. Yu.* *Yazykovoy absurd, ego semantika i taksonomicheskkiye kharakteristiki: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk*. Krasnodar, 2001. 17 s.